

Д.В. Кобленкова

*Роль Н.В. Гоголя в русской литературе
в отражении шведского литературоведения*

I

Насколько можно судить по информации, представленной в шведской «Истории мировой литературы»¹, первое произведение Н. В. Гоголя, переведённое на шведский язык, вышло в 1878 году. Им стал «Ревизор», появившийся спустя 42 года после своего создания. Второй гоголевский текст – повесть «Тарас Бульба» – был опубликован в 1883 году. Предпочтение этих двух произведений свидетельствует о том, что на протяжении длительного периода Гоголь воспринимался шведами лишь в двух ракурсах: с одной стороны, как реалист-комедиограф, с другой – как писатель-прозаик, создающий «величественные лиро-эпические произведения, пронизанные казацким духом Малороссии»².

Новый интерес к Гоголю возникает уже к середине XX века: в 1942 году переводят «Петербургские повести», в 1948 – «Мёртвые души» и «Как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». В 1949 году выходит сборник, в который включаются произведения из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Этот сборник и в современных переизданиях называется «Украинские новеллы». В 1954 году издают отдельно «Нос» и «Шинель», в 1978 – «Записки сумасшедшего».

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что в конце XX века самым востребованным произведением Гоголя в Швеции являлась повесть «Шинель». На это указывают и количество её переизданий в разных переводах, и те оценки, которые повесть получила в предисловиях к ним. Интерес вызывала и другая «петербургская» повесть - «Нос». Мотивация такого выбора очень показательна для шведского общества последних десятилетий прошлого века, и к этой теме мы вернёмся ниже.

II

Библиографическая картотека Уппсальской библиотеки «Carolina Rediviva», посвящённая Гоголю, его личности и анализу произведений, свидетельствует, что литературоведческое предпочтение отдаётся работам российских, немецких и американских исследователей. В частности, на начальном этапе серьёзного интереса к писателю и к России в целом, который, как и во многих других странах, в связи с «оттепелью», приходится на 60-ые годы XX века, большую роль в восприятии творчества Гоголя и его духовной трагедии сыграли работы русских эмигрантов: В. Набокова, Д. Мережковского, Д. Мирского. Эти исследования, наряду с несколькими английскими и американскими работами, послужили основой для создания единственной на сегодняшний день шведской монографии о Гоголе – книге Ханса Левандера «Николай Гоголь», которая вышла в 1960 году³. В ней автор был сориентирован на мистическую и социальную проблематику произведений Гоголя, что, в свою очередь, отражает шведские приоритеты в художественной литературе и, в то же время, свидетельствует о влиянии уже существующих работ.

Структура книги определялась в соответствии с наиболее часто используемым подходом: основные места пребывания Гоголя и ключевые произведения. Первая глава называлась «Мистический карлик. Украинец в Петербурге. Ревизор»; вторая – «В Рим. Мёртвые души. Шинель»; третья – «Предсмертные годы. Письмо друзьям. Из Иерусалима в Москву».

В 1988 году книга была переиздана⁴ и вошла составной частью в большую монографию Х. Левандера «Трое русских. Гоголь. Достоевский. Чехов». Каждая глава получила подзаголовок: «Гоголь – демонический», «Достоевский – страстный», «Чехов – сдержанный». Таким образом Левандер акцентировал своё представление о характере и художественном стиле каждого из писателей.

Давая оценку этому шведскому исследованию, отметим следующее. Уже в предисловии к книге Левандер, будучи, на наш взгляд, поверхностно

увлечённым идеями русских эмигрантов о мистицизме Гоголя, к сожалению, почти отказал писателю в содержательной глубине произведений. Гоголевские тексты оценивались критиком как «дьяволиада», способная «забавлять» или «пугать», в то время как проза Достоевского, по убеждению исследователя, призывала к «идейным» дискуссиям, а ироничное творчество Чехова являло образец гуманизма. Но и вопрос о гоголевском мистицизме, несмотря на его актуализацию Левандером, по-настоящему не был рассмотрен автором. Без преувеличения можно сказать, что мистицизм был сведён к фольклорным суевериям, которые Гоголь, по Левандеру, перенял от матери вместе с привитым ею «страхом чёрта и ада». Гоголевская духовная вертикаль, его «вселенная-гармошка» автором не рассматривались. Даже анализируя «Петербургские повести», критик лишь упомянул о том, что дьявол является в них главным действующим лицом, но причины этого названы не были. Комментируя «Мёртвые души», исследователь лишь однажды сослался на В. Набокова, намекающего на дьявольскую природу Чичикова и сопоставляющего его путь с inferнальным движением по кругам дантовского ада. В итоге гоголевская художественная философия оказалась крайне упрощённой. Его внутренний конфликт, приведший к отказу от творчества и смерти, не был понят, и критик не смог дать этому факту и самой личности писателя какой-либо ясной оценки: то ли Гоголь – великий мученик, то ли ханжа, которому Бог был необходим для спасения от страха жизни и собственных сексуальных неврозов. Ханжество Гоголя, по мысли исследователя, более всего проявилось в «Выбранных местах», где Гоголь вставлял имя Бога в каждом случае, когда пытался внушить свои идеи или мотивировать собственные поступки. Левандер указывал также, что наиболее поражал читателей *тон* этой книги и что «позитивными или, по крайней мере, интересными» фрагментами в «Выбранных местах» были лишь вопросы, касающиеся литературы.

Вполне в логике такого подхода были сделаны и комментарии к произведениям. Из возможных интерпретаций, с которыми Левандер был

знаком и с которыми, конечно, так или иначе соотносил своё видение проблемы, он «отобрал», прежде всего, социальные оценки и указал на существующие версии психоаналитиков. Сам Левандер старался не затрагивать острых проблем личной биографии Гоголя, хотя вопрос о его сексуальных неврозах всё же поднимался, особенно в связи с интерпретацией «Вия» и сна Ивана Фёдоровича Шпоньки. Но в каждом случае исследователь указывал, что эти выводы принадлежат не ему. От «себя» Х. Левандер дал Гоголю следующую психологическую характеристику: «Сам он был крайне странным, ...неуверенным и дисгармоничным человеком, так и не ставшим взрослым. В отличие от Достоевского, он был больше ученик», который «не смог взглянуть внутрь себя и разъяснить свой собственный хаос. По этой причине он не мог описывать нормальных, обыкновенных людей». «Однажды он попытался изобразить безупречное человечество, это было во втором томе «Мёртвых душ», и потерпел неудачу».⁵

В дополненном издании 1988 года Левандер, очевидно, посчитал необходимым расширить круг «психоаналитических» проблем в соответствии с новыми публикациями, не меняя ничего концептуально. Показательно, что критик вновь не стал дополнять работу собственными размышлениями и сослался на вышедшие к тому времени исследования: изданную в Лондоне и ставшую знаменитой книгу Саймона Карлинского «Сексуальный лабиринт Гоголя»⁶ и французскую версию биографии Гоголя, эпатажно написанную Анри Труайя⁷. Механические вставки из Карлинского и Труайя, касающиеся его отношений с А. Данилевским, И. Виельгорским, поэтом Н. Языковым и А. Виельгорской, равно как и проблема возможного гомосексуализма писателя, на котором настаивал Карлинский, его гипохондри и нарциссизма (версия Давида Магаршака), остались непрокомментированными Левандером. Более того, книга фактически распалась на две части: в одной исследователь схематично анализировал сюжеты произведений Гоголя, определяя их в основном как «социально-сатирические» и указывая на стилистическое мастерство писателя. Левандер

ссылался в данном случае на оценку Слонима, считавшего Гоголя и Ницше крупнейшими стилистами в европейской прозе. В частности, отмечались ритмичность, метафоричность, необычное сочетание реалистических и фантастических черт. Вторая составляющая книги осталась замкнутой на себе психоаналитическим комментарием.

Этот подход во многом отражает черты шведского менталитета, осторожного принципа невмешательства. Авторы могут обозначить проблему, но предпочтут уйти в сторону от её субъективного толкования, поэтому Левандера в данном случае не смущала явная вторичность материала. Но главная проблема, конечно, заключается не в этом, а в том, что до появления перевода норвежского исследования о Гоголе шведы продолжали воспринимать его лишь сквозь призму подобных социальных и психоаналитических оценок, не получая представления о философско-религиозной проблематике, нарративных особенностях и других аспектах его прозы .

Норвежское исследование Гейера Хьетсо «Николай Гоголь»⁸ было переведено на шведский в 1994 году. Оно является вторым в Швеции вариантом творческой биографии Гоголя. Это исследование уже включает в себя обширную базу источников от воспоминаний писателей XIX столетия (С. Аксакова, П. Анненкова, Г. Данилевского и др.) до работ 70-80-х годов (Ю. Барабаша, Ю. Манна, И. Золотусского, В. Кривоноса, В. Казарина, В. Ерофеева и др.), а также исследования европейских и американских литературоведов, посвящённые анализу поэтики. Во многом это связано с тем, что автор получил специальную стипендию для подготовки такого современного исследования и смог поработать в архивах и библиотеках Киева, Москвы и Петербурга. Кроме того, он встречался и обсуждал многие спорные вопросы с известными исследователями творчества Гоголя в России и в Украине. Результатом этого «компромиссного» подхода стало большое (почти на 500 страниц) исследование, где в девяти главах делается попытка с разных сторон взглянуть на биографию и произведения писателя.

Предисловие к книге подобно завязке детективного романа: Хьетсо начинает с того, что в школе Гоголя называли «таинственным карлой» и никто не предполагал, что этот отшельник станет великим российским писателем. Он указывает на бесчисленное количество мифов, существующих вокруг Гоголя, часть из которых были созданы самим писателем. По этой причине автор уверен, что создать одну-единственную биографию Гоголя – это «безнадёжное предприятие», поэтому «большинство книг о его жизни и творчестве – это собрания устаревшего материала, где уже существующие легенды получают свободный и безудержный расцвет»⁹. Исследователь пишет, что в настоящее время вряд ли есть хотя бы два мнения о Гоголе, которые сходны между собой. Ключевое отличие между ними заключается в том, что для одних Гоголь – реалист, увлечённый критикой общества и открывший новые пути в литературе, для других – великий русский пророк, страдающий от дисгармонии бытия и призывающий к духовному перерождению. Кроме того, учитывая особенности биографии и личной жизни Гоголя, Хьетсо констатирует, что всё его творчество – результат синтеза гениальности и душевной болезни.

Свою задачу норвежский исследователь видел в создании «документальной» книги об одном из самых «таинственных поэтов». В итоге, в отличие от Х. Левандера, критику удалось собрать и объединить разный материал: например, от работ, в которых «Шинель» рассматривается в качестве примера агиографического жанра, где писарь Башмачкин сопоставляется с каллиграфом Мышкиным, до исследований, в которых повесть определяется как «новелла о любви», с «характерным для Гоголя мотивом» страха перед женским началом и его замещением любовью к шинели¹⁰. Или, подобным же образом сталкиваются мнение Сергея Бочарова о «Носе» и версии психоаналитиков о «кастрационном» комплексе писателя. Читатель, таким образом, может получить разносторонне представление о Гоголе, однако те, кто предпочитают концептуальные «авторские» исследования, также будут разочарованы. В любом случае глубокой и

принципиально новой аналитической работы на шведском языке пока не появилось. Причин может быть несколько: во-первых, сам Гоголь труден для интерпретации, во-вторых, это не шведский автор, чтобы можно было выдвигать свою версию, и, наконец, состояние самого шведского литературоведения, которое уступает и российскому, и немецкому, и американскому. По этим причинам, очевидно, и нет пока подобного исследования.

В целом к концу 80-ых – началу 90-х годов сформировалось определённое восприятие творчества Гоголя, которое с незначительными вариантами отражается в предисловиях и послесловиях к разным изданиям его произведений, а также в комментариях к гоголевским текстам в академическом исследовании по истории мировой литературы, где русской литературе XIX века посвящена отдельная глава.

Выводы, сделанные шведскими русистами, можно систематизировать следующим образом.

Как правило, Гоголь так или иначе сопоставляется с Пушкиным, однако подчёркивается, что Пушкин положил начало не столько самому реализму как направлению, сколько реалистическому стилю. Более того, указывается, что «Пушкин и Лермонтов были слишком аристократичными и индивидуалистичными для того, чтобы стать по-настоящему национальными писателями»¹¹. Почти во всех изданиях гоголевских текстов можно встретить указание на то, что глубже всех трагедию обыденности, в том числе русской чиновничьей жизни, понял и отразил именно Гоголь. Исследователями употребляется слово «vardagen» - «повседневность», и это тоже не случайно. Шведское искусство само постоянно исследует эту проблему, так как страна, несмотря на социальную стабильность, остро ощущает свою провинциальность в мировом политическом пространстве, страдает от отсутствия «больших» событий, однообразия жизни и закреплённости каждого шведа в социальной иерархии. Этот аспект является также одним из мотивов особого интереса к гоголевской «Шинели».

Оценивая место Гоголя в русской литературе, шведская критика отмечает, что его можно назвать реалистом, но и Гоголь, особенно на начальном этапе, оказался востребован, прежде всего, благодаря своему стилю, который прошёл два основных этапа развития: «Он начинает с историй о привидениях и исторического романа «Тарас Бульба». Именно в это время ... формируется его манера – сочетание поэтического стиля с картинами народной жизни». Указывается, что Гоголь «создаёт во многом сказочные характеры, полные свежести и выразительности, беспечно льющейся поэзии, и всё это отличается свободной игрой воображения»¹². Кроме того, объясняя причины быстрого успеха гоголевских «Вечеров», исследователи утверждают, что это был очень благоприятный период для произведений такого типа: «фольклорная фантастика очень тепло воспринималась в старой России, поэтому эти произведения получили быстрый и живой резонанс»¹³. Стилистический талант Гоголя вновь является поводом для его противопоставления Пушкину: «Если о Пушкине можно сказать, что он дал образцы реалистической классической новеллы, то Гоголь представил в своих украинских рассказах¹⁴ совершенно иное искусство стиля. Оно включает в себя романтический элемент, лирическое настроение, бурлескный комизм и буйное цветное великолепие»¹⁵. Таким образом, шведская критика, анализируя первый этап творчества Гоголя, обращает внимание не на содержательные, идейные особенности «Вечеров», «Миргорода» и «Тараса Бульбы», а лишь на оригинальную манеру его письма, составляющую антитезу строгости пушкинского стиля.

Рассматривая второй этап литературной деятельности писателя и анализируя такие произведения, как «Ревизор», «Петербургские повести» и «Мёртвые души», литературоведы подчёркивают, что в них «острый реалистический взгляд на действительность сочетается с мистическим визионерским даром и гротескным комизмом»¹⁶. Не раз повторяется мысль о двойственности манеры Гоголя – особом синтезе «сочувствия к объекту изображения и юмористического¹⁷ отношения к нему»¹⁸. Можно встретить и

такое утверждение: «За недовольством и смехом Гоголя скрывается сильная любовь к людям и особенно к русским»¹⁹. Рассуждая о предрасположенности Гоголя к комизму, критика свидетельствует, что он «описывает посредственностей и их жалкие деяния в фантастических пропорциях, при этом лирическая составляющая даёт ему возможность избежать риска стать поверхностным». Здесь стоит обратить внимание на то, что теория комического, достаточно детально разработанная в российском литературоведении, почти не получила отражения в шведских исследованиях, поэтому в представленных фрагментах анализа гоголевской сатиры нет терминологической точности.

В целом второй этап творчества Гоголя рассматривается как период, связанный с критикой русского общества, где «за комическими масками скрыт глубокий подтекст», а в «Ревизоре» отражены «коррупция и бюрократический мир царского режима»²⁰.

Особо стоит остановиться на характеристике шведскими литературоведами «Мёртвых душ», которые в переводе звучат как «Döda själar». Во-первых, поэма везде называется романом и нигде не оговаривается авторское жанровое предпочтение и его обоснование. Во-вторых, «Мёртвые души» воспринимаются исключительно как социальное произведение с авантурным сюжетом в основе. Например: «В романе главный герой – мошенник и авантюрист Чичиков, который путешествует по округе и выкупает «мёртвые души» - крестьян, которые умерли до ревизии. Автор не закончил роман, который он задумал создать в трёх частях. Гоголь передаёт богатую и широкую панораму русской жизни того времени в столь пугающих аспектах и делает это со всей своей субъективностью, фантазией и склонностью к окарикатуриванию»²¹. О полном замысле всех трёх частей, о философском подтексте поэмы ничего не сообщается. Для шведской критики это, действительно, всего лишь социальный роман, причём не только не являющийся вершиной творчества Гоголя, но лишь предваряющий «Петербургские повести».

Высоко оценивая «малую» прозу Гоголя, шведы в то же время отмечают определённые европейские влияния. В частности, «Невский проспект» и в целом тематика больших городов видится им продолжением традиции Ч. Диккенса, в том числе его «Очерков Боза». Рассматривая «Портрет», они указывают на прямое влияние произведений Гофмана и французских фантастических новелл²². Наиболее значительными и абсолютно оригинальными шведские исследователи считают «Шинель» и «Нос», в которых, по их убеждению, получила отражение всё та же гоголевская двойственность: сочувствие и осмеяние. «Шинель» является для шведов самым показательным произведением Гоголя, она нередко публикуется «билингва»²³, есть даже своеобразное её переложение с разделением на маленькие главы, созданное Стаффаном Скоттом и серией иллюстраций Фиббена Хальда²⁴. Трудность для шведов составляет перевод её названия: повесть выходит либо с заглавием «Överrocken» («пальто»), либо «Kappan» («пальто», «шинель»). Однако и это произведение Гоголя, имеющее немало литературоведческих интерпретаций, воспринимается очень односторонне: «В этом произведении Гоголь описывает жизнь бедного писаря в российской столице. Эта трогательная и отражающая реальность новелла имела исключительное значение для критической русской литературы XIX века»²⁵, и приводятся слова Достоевского о том, что мы все вышли из гоголевской «Шинели». Для шведов самой важной в этой повести является мысль о том, что маленький служащий оказывается способным бунтовать и мстить²⁶. Психологический и социальный бунт близок шведскому менталитету, остро реагирующему на ущемление социальных и личных прав человека. Другие подходы к анализу повести, например, философско-религиозный или психоаналитический, не получили в Швеции развития.

Комментируя повесть «Нос», шведская критика пишет, что и здесь объектом художественного анализа является русский чиновничий мир, но подчёркивает, что особым достоинством произведения является создание картины абсурда, гротескного мира, который в то же время даёт правдивое

отражение действительности. «Нос» определяется как образец синтеза реальности и фантастики, сочувствия и критики. Эта двойственная манера, утверждают исследователи, позволяет Гоголю акцентировать в произведении подтекст, что и вызывает «напряжённый» «двойной» интерес²⁷. Именно «Шинель» и «Нос», по убеждению литературоведов, сконцентрировали в себе черты, которые сделали Гоголя прижизненным классиком.

Соглашаясь или нет с оценками шведских исследователей, стоит отметить, что отсутствие в стране сильных литературоведческих школ сказалось на уровне представленных аналитических работ. Это проявляется как при рассмотрении идейной стороны гоголевских текстов, так и при анализе поэтики его произведений.

III

Характеризуя последний этап жизни Гоголя, критики констатируют, что писатель «был очень далёк от довольства своими произведениями, к концу жизни отверг всё созданное и захотел начать сначала. Он пережил религиозный кризис, посетил святые места в Иерусалиме и поверг своих читателей в шок. Наиболее возмущены были, конечно, либеральные круги, а вместе с ними и реакционные славянофилы, поражённые стремлением Гоголя сделать из них убеждённых русских христиан»²⁸. Литературоведами приводится также «западная точка зрения», согласно которой причиной духовного кризиса писателя явилось усугубление мистицизма, что и привело Гоголя к сумасшествию, в результате чего «он отказался от того, что написал, и умер добровольно голодной смертью»²⁹.

В шведском академическом издании «Истории мировой литературы» глава о писателе завершается словами: «блистательный комизм в произведениях Гоголя имеет подтекст одинокой печали, свидетельствующей о его глубокой дисгармонии»³⁰. Иными словами, «двойственная» трагикомическая манера гоголевского письма и в академической науке

воспринимается как следствие особого психологического восприятия писателем себя и мира.

Примечания

---

¹ См.: Biografier. Gogol Nikolaj / Litteraturhandboken. Huvudredaktör Björn Linell. Stockholm, 1999. S. 490.

² *Dahl S.* Ukrainaren Gogol / Gogol N. Ukrainska noveller. Översättning från ryska av Ellen Rydelius. Uddevalla, 1969. S. 7.

³ *Levander H.* Nikolaj Gogol. Stockholm, 1960.

⁴ *Levander H.* Tre Ryssar. Gogol. Dostojevskiy. Tjechov. Stockholm, 1988.

⁵ *Ibid.* S.19.

⁶ *Karlinsky S.* The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Harvard university press. Cambridge, Massachusetts, and London, England. 1976.

⁷ *Troyat H.* Gogol. Paris, 1971.

⁸ *Kjetsaa G.* Nikolaj Gogol. Den gåtfulle diktaren. Översättning: Lena Hjohlman. Helsinborg, 1994.

⁹ *Ibid.* S.7.

¹⁰ *Ibid.* S. 183.

¹¹ Rysk litteratur av Daniel Andreae / Litteraturhandboken. Huvudredaktör Björn Linell. Stockholm, 1999. S. 205.

¹² *Rydström S.* Nikolaj Gogol / Gogol N. Döda själar. Översättning från ryska av Sören Rydström. Uddevalla, 1971. S. 5-6.

¹³ *Dahl S.* Ukrainaren Gogol / Gogol N. Ukrainska noveller. Översättning från ryska av Ellen Rydelius. S. 7.

¹⁴ Терминологической точности в определении жанра гоголевских произведений в шведском литературоведении нет, поэтому чаще всего повести называют новеллами или рассказами.

¹⁵ *Ibid.* S.7.

¹⁶ *Rydström S.* Nikolaj Gogol / Gogol N. Döda själar. Översättning från ryska av Sören Rydström. S. 5.

---

¹⁷ Шведские критики не всегда различают разницу между терминами «сатира» и «юмор».

¹⁸ Ibid. S. 5.

¹⁹ Rysk litteratur av Daniel Andreae / Litteraturhandboken. Huvudredaktör Björn Linell. S. 206.

²⁰ Rydström S. Nikolaj Gogol / Gogol N. Döda själar. Översättning från ryska av Sören Rydström. S. 5.

²¹ Ibid. S. 5-6.

²² См.: Fält E. Om Gogol / Tre ryska klassiker. Pusjkin, Gogol, Tjechov med parallellöversättning och kommentar. Uppsala, 1993. S. 65; Wickman A. Nikolaj Gogol / Gogol N. Porträttet. Översättning av Asta Wickman. Uddevala, 1977. S. 5-7.

²³ См. в частности: Fält E. Tre ryska klassiker. Pusjkin, Gogol, Tjechov med parallellöversättning och kommentar. Uppsala, 1993.

²⁴ Gogol N. Överrocken. Återberättad av Staffan Skott. Illustrationer av Fibben Hald. Stockholm, 1988.

²⁵ Rydström S. Nikolaj Gogol / Gogol N. Döda själar. Översättning från ryska av Sören Rydström. S. 6.

²⁶ Lindgren S. Förord / Gogol N. Kappan. I översättning och med förord av Stefan Lindgren. Stockholm, 1994. S. 7.

²⁷ См. : Gogol N. Näsan. Översättning Sture Nilsson. Örebro, 1985; Jangfeldt B. Efterskrift / Gogol N. En dåres anteckningar och andra berättelser. Stockholm, 1978. S. 314-319.

²⁸ Rysk litteratur av Daniel Andreae / Litteraturhandboken. Huvudredaktör Björn Linell. S. 206.

²⁹ Biografier. Gogol Nikolaj / Litteraturhandboken. Huvudredaktör Björn Linell. S. 490.

³⁰ Ibid. S. 490.